
АНАТОЛИЙ АФАНАСЬЕВ

ВАНЯ КУРСКИЙ

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

У каждого человека есть свой ангел-хранитель. Таким ангелом стал для меня простой парень из Курска по имени Ваня. Его все так и звали – Ваня Курский. Впервые я встретился с ним у штаба 350-й стрелковой дивизии, куда прибыла наша маршевая рота, сформированная из курсантов учебного полка.

Нас распределили по частям, и мы сидели своими группами, вслушиваясь в звуки близких разрывов снарядов, думая о новой, непонятной ещё для нас фронтовой жизни.

К нам подошёл старший сержант крепкого сложения, белокурый, со светлым типично русским лицом и голубыми глазами. Это и был Ваня.

На его груди сверкали высшие солдатские награды: орден Славы и медаль “За отвагу”. Улыбнувшись широко и по-доброму, он сказал: “Братцы, отдых закончился”. Построил, провёл перекличку и доложил подошедшему капитану, что все военнослужащие, зачисленные в наш полк, построены.

Капитан объяснил, в каком полку мы будем воевать, и дал команду двигаться за ним без строя, гурьбой. После муштры в учебном полку это показалось нам удивительным, но приятным. Но ещё больше удивились мы, когда прибыли в полк. Капитан привёл нас прямо к походной кухне, расположившейся в глубокой ложине. Повар налил нам полные котелки душистого супа с мясом. Мы с аппетитом уплетали его, вспоминая суп-рассольник в учебном полку, когда в прозрачной воде просвечивались с десятков перловых крупинки и несколько кусочков солёных помидоров, а сверху блестели с пяток маленьких солнышек комбижира. А на фронте и каша шла увесистыми порциями. Повар ещё подначивал: “Кому ещё добавки, подходи!” Довольны мы были и гоготали: “Вот это житуха!”

Потом нас распределили по боевым подразделениям, и я попал в тот взвод, где Ваня состоял помощником командира. Вообще у меня осталось чувство глубокого уважения к своим фронтовым командирам. Они относились к нам по-отцовски, при каждой возможности учили нас действиям в бою, учили практически, на местности, анализируя наши предыдущие боевые действия. В этом проявлялась их командирская забота о нас: они учили нас сохранять свои жизни в бою и добиваться победы.

Но главным моим учителем и наставником был Ваня Курский. Это был настоящий русский молодец-удалец. Смел и силен, как лев; добр и участлив, как мать, с душой, полной песен, любви и света. Он был настоящим светочем оптимизма и бодрости в нашей роте.

Возвращаясь в роту, он почти всегда, сверкая зубами в широкой улыбке, речитативом произносил: “Что вы, братцы, приуныли? Ну-ка, Филька, чёрт, пляши...”

Сидя в землянке у свечи или печурки, он пел нам русские песни, полные ухарства, любви и тоски: про ямщика, замерзавшего в степи и думающего о своей любимой, про Стеньку Разина, про бродягу, решившего переплыть Байкал, и многие другие любимые народом песни. В том числе и новые тогда, фронтовые. Глядели на огонь и слушали:

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...*

Не знаю, почему, Ваня с особым участием относился ко мне. Может, потому, что я был самым “зелёным”, молодым в роте, и ему, хлебнувшему лиха войны, хотелось уберечь меня от её кровавых объятий. Может, проявлялось здесь обычное фронтовое товарищество, обязывающее помогать молодым воинам, а может, душевное тяготение... Всё вместе взятое, наверно! Я привязался к нему и душой, и сердцем. Ваня был для меня и другом, и наставником.

В беседах со мной он иногда был откровенен. Рассказывал о своей матери, об отце, который тоже где-то шагал по дорогам войны, а частенько вспоминал о своей возлюбленной, о Машеньке. Он говорил о ней с такой нежностью, с таким восхищением, так образно, что я и сейчас вижу её: светлая, голубоглазая, стройная и гибкая, как молодая берёзка, нежная и тёплая, как летний вечер... Вспоминая о Машеньке, он всегда повторял: “Она меня любит. Она знает, что я люблю её больше жизни. Она ждёт меня...”. Тем сильнее была его ненависть к врагу.

Как-то произошёл такой случай. Расстреляли немца, который уже поднял руки. Вспоминая об этом, я сказал Ване, что протестую против таких жестокостей войны, что немцы такие же люди, как и мы...

Ваня посмотрел на меня серьёзно, потом развёл руками, словно изумляясь, и сказал: “Как ты не поймёшь, что мы, советские люди, не приглашали немцев к себе, не просили идти к нам с войной. А они пришли, и ты сам видел, что они сделали с нашими людьми, с нашими женщинами, с нашими жилищами. А главное, ты пойми, что на вой-не (он произнёс это слово, растягивая его по слогам) нельзя зевать, рот разевать... Чуть что – и ты там!” При этом он многозначительно указал большим пальцем на землю, а потом на небо. “На войне закон один – или ты его, или он тебя. Поэтому соображай, не паникуй, проверяй оружие. Знай, забудешь что, не так сделаешь – ты приплыл-приехал”. И он снова указал на землю, а потом на небо.

Война шла к концу. После стремительного наступления наш полк вышел к окраинам Потсдама. Решили произвести разведку. Создали несколько групп из автоматчиков. В одну из групп Ваня взял меня.

В предрассветную серость подошли к посёлку. Обошли несколько домов, подвалов, подземных переходов, но везде была мёртвая тишина. Но вот заметили на ступеньках крыльца большого дома дремавшего в обнимку с автоматом немецкого солдата. Приблизившись к нему по-кошачьи тихо, Ваня вынул имевшийся у него, кроме автомата и гранат, крупнокалиберный кольт и рукояткой тукнул по голове спящего немца. Тот сразу свалился, как мешок. Я взял его автомат. Мы тихонько вошли в дом, осмотрелись. За одной из дверей слышался многоголосый мужской храп. Открыли дверь. Весь пол большого зала был усыпан спящими немецкими солдатами. Ваня дал две короткие очереди из автомата вверх и громко крикнул: “Хальт! Хенде хох!” Очумелые немцы вскочили и тут же подняли руки. Двое пытались схватить свои автоматы, но были тут же убиты нами. По команде “марширен!”, которую дал Ваня, пленные немцы выходили на улицу и строились в колонну уже без всякого сопротивления.

И вот наступил вечер того памятного дня. Дня, когда я потерял своего боевого товарища Ваню. А произошло это так. Заместитель начальника штаба полка (фамилию не помню) отправился на окраину населённого пункта определять позиции оставшимся подразделениям полка. И взял нас с Ваней в качестве боевого охранения с собой.

Вначале всё складывалось хорошо. Капитан, он же начальник штаба, нанёс на карту, что ему было нужно, и мы пошли обратно в полк. Стемнело.

Шли по обочине просёлочной дороги. Слева от нас тянулся большой овраг, заросший густым кустарником и мелкоколесьем. Уставшие, мы сели отдохнуть. Вдруг на дороге появились какие-то военные, в которых мы не сразу в темноте узнали немцев. Подумали вначале, что это наши, но сомнения разрешил Ваня. Он осветил в упор фонариком идущую военную колонну и крикнул: “Немцы!” С силой толкнул меня в овраг. Капитан тоже кинулся туда, крикнув: “За мной в овраг!”

Но Ваня не бросился в овраг, а, прикрывая нас, открыл стрельбу из своего кольта по немецким солдатам, которые, видимо, прорывались из окружения. Бездыханное тело Вани мы нашли после наступления затишья.

А через две недели кончилась война...

*Я теперь в День Победы грущу,
Вспоминая походы и павших...
И отмщенья иудам прошу,
И страну, и Победу предавших.*

Хочется, чтобы река забвения не замутила память о тех, кто отдал свои жизни за нашу Победу!